

Но как ни крути, вещи нужно было собирать. Пока он укладывался, пришла Су Сюэ, снова принесла ему сладостей и стала утешать:

— Я знаю, ты его боишься. Не волнуйся, он просто нашёл человека, чтобы скрасить скуку. Ему нравится твой голос, он не станет слишком сильно притеснять тебя. Когда он поправится, ты сможешь вернуться.

Хуа Чжаошуй взял пирожные, поблагодарил, но лицо его по-прежнему было страдальческим:

— Надеюсь, молодой господин скоро пресытится моим голосом.

Когда Хуа Чжаошуй пришёл во двор молодого господина и только успел разложить вещи, прибежал слуга:

— Молодой господин зовёт тебя.

Хуа Чжаошуй отозвался:

— Иду.

Он вошёл в покои молодого господина и сразу почувствовал сильный запах лекарств — молодой господин только что сменил повязку и лежал на кровати. Хуа Чжаошуй одним взглядом охватил его спину в кровоподтёках и онемел.

Слуга сзади тихо подтолкнул его:

— Чего застыл? Иди скорее.

Хуа Чжаошуй пошатываясь подошёл и позвал:

— Молодой господин.

Шэн Цзяньвэй, лежа на руке, прищурился на него:

— Что за лицо? Опять испугался?

Хуа Чжаошуй взглянул на его спину, затем перевёл взгляд на лицо и нахмурился:

— Выглядит очень больно... С какой же силой били...

Шэн Цзяньвэй улыбнулся с насмешкой:

— Да, больно. Пятьдесят ударов.

— Тогда... тогда что молодому господину угодно? — Хуа Чжаошуй казалось, что у него самого всё болит от одного вида ран, он больше не смел смотреть, отводя глаза.

— Воды.

Хуа Чжаошуй поспешил налить чай и, осторожно преклонив колени у кровати, поднёс чашку к его губам.

Шэн Цзяньвэй не отрывая глаз смотрел на него и пил из его рук. Когда он допил, Хуа Чжаошуй хотел забрать чашку, но молодой господин вдруг сказал:

— Вода, вытри.

Хуа Чжаошуй опешил, потом понял, что речь об уголках рта, и достал платок. Но молодой господин просто вытерся о его рукав, ни капли не церемонясь.

Хуа Чжаошуй смущённо спрятал платок, отставил чашку в сторону и повесил голову, выглядя подавленным.

— Молчишь? Думаешь, служить мне — унижение? — молодой господин не давал ему покоя ни на минуту.

Хуа Чжаошуй быстро поднял голову и затряс ею:

— Нет... Молодой господин, хотите послушать песню? Я спою вам пару строк.

Шэн Цзяньвэй протянул руку и схватил его за запястье, заставляя стоять смирно перед собой:

— Сейчас не хочу.

Хуа Чжаошуй хотел вздохнуть, но снова поник.

Шэн Цзяньвэй смотрел на него:

— Не буду тебя притеснять. Если захочешь есть, скажи Мин Юю, пусть передаст приказ на кухню. В прошлый раз ты так радовался еде. Неужели обычно недоедаешь?

— Да нет, — Хуа Чжаошуй поднял на него глаза. — Просто у молодого господина еда вкуснее.

Шэн Цзяньвэй «о» сказал и пощупал его запястье:

— Тогда почему ты такой худой? Я думал, ты не любишь есть.

Хуа Чжаошуй моргнул:

— Кто ж не любит есть? Раньше в Западном саду, если мы плохо тренировались, учитель не только бил, но и лишал еды. Если продолжали плохо — заставляли стоять на коленях во дворе и смотреть, как другие тренируются... От голода сил не было, как тут тренируешься.

Последнюю фразу он пробормотал, но Шэн Цзяньвэй услышал и рассмеялся:

— На кухне стащить не умел? Раз не дают — значит, не ешь?

Хуа Чжаошуй надул губы:

— Воровать еду — куда хуже, чем лениться и не тренироваться. Поймают — выгонят.

Шэн Цзяньвэй слегка пошевелил рукой и спросил невпопад:

— Боялся, что не дадут есть?

Хуа Чжаошуй не понял, к чему это, подумал и ответил:

— Конечно боялся. Без еды ничего делать нельзя.

Шэн Цзяньвэй намеренно сделал строгое лицо:

— Хорошо, теперь ты будешь жить здесь. Если не будешь слушаться — не дам есть.

Хуа Чжаошуй ахнул и глядел на него с недоверием, глаза его полны были немого вопроса: «Только что не это говорил».

Но он только удивился немного, потом опустил голову и без сил сказал:

— Понял...

Шэн Цзяньвэй не выдержал и расхохотался, смеялся так, что раны заболели.

— Полегче, молодой господин, — Хуа Чжаошуй испугался, поспешил проверить раны. — Берегитесь, а то разойдутся.

Шэн Цзяньвэй наконец отпустил его запястье и ущипнул за щёку:

— Ты забавный. Через пару дней я скажу госпоже, чтобы ты перешёл ко мне в покои служить. Как?

Хуа Чжаошуй с зажатой щекой невнятно выговорил:

— Моло... молодой господин, вы же злились, когда видели меня. Неужели серьёзно?

Шэн Цзяньвэй отпустил его и сразу недовольно поморщился:

— Тебе не нравится?

Хуа Чжаошуй подумал: «Конечно, не нравится». Но пытался выкрутиться, слова застревали в гортани. Видя, как лицо молодого господина мрачнеет, он думал только одно: «Всё, конец».

Но молодой господин не стал дальше мучить его, внезапно отпустил, отчего Хуа Чжаошуй отшатнулся назад.

Шэн Цзяньвэй бросил на него взгляд, улыбка исчезла без следа, снова появилось привычное мрачное лицо, от которого пробирало озноб.

Хуа Чжаошуй нервно украдкой посмотрел на него, теряясь, и неуверенно потянулся к чашке:

— Моло... молодой господин, ещё... ещё воды?

Туда полетел нетерпеливый взгляд, Хуа Чжаошуй дернул рукой, не коснувшись чашки, и тут же отдернул её, приняв вид человека, идущего на казнь.

Шэн Цзяньвэй нахмурил брови и раздражённо сказал:

— Проваливай.

— А, хорошо! — Хуа Чжаошуй быстро встал и, пока этот Яма Ван не придумал новую пытку, радостно убрался.

Пока он ухаживал за раненым молодым господином, Хуа Чжаошуй, проходя мимо, хотел бы ходить на цыпочках, как бы тот в припадке вдохновения не сказал чего-нибудь шокирующего.

У Шэн Цзяньвэя хорошее здоровье, дней через десять он уже мог встать. Хотя официально

числился дома на излечении, по сути это было двухнедельное отстранение от службы. Скучая, он всё больше издевался: чем больше Хуа Чжаошуй не хотел приближаться, тем чаще молодой господин заставлял его при всех прижиматься к себе.

Второй молодой господин любил повеселиться. Он созвал девушек и парней со двора, чтобы играть в «Летающие цветы». Некоторые девушки, что учились с молодым господином, могли прочитать пару строк, но Хуа Чжаошуй не знал наизусть ни одного стиха и каждый раз мог выдать только пару строк из оперных арий. Молодой господин, конечно, это не засчитывал, и между делом пытался влить ему в рот ещё чашку вина.

Вдруг круглый веер преградил путь. Девушка, прислуживающая молодому господину, вышла вперёд и вступилась:

— Молодой господин, для него голос — самое дорогое, что есть. Он уже выпил две чашки. Позвольте я выпью за него? Хорошо?

Эту девушку звали Хуа Юнь, её прислали из покоев госпожи. Она во всём была расторопна и служила молодому господину уже лет четыре-пять, и он очень ценил её.

Услышав такие слова, Шэн Цзяньвэй не разозлился, но взгляд скользнул на лицо Хуа Чжаошуя, и он прохладно произнёс:

— У тебя, значит, хорошие связи.

Хуа Чжаошуй в страхе ответил:

— Нет! Это девушка добрая!

— То есть ты хочешь сказать, что молодой господин — злодей, а девушка — добрая?

— Нет-нет-нет! Я не это имел в виду!

Шэн Цзяньвэй вдруг потянул его к себе в объятия:

— Ладно, ради девушки пощажу тебя, пить не буду. Иди, молодого господина напои — накормишь меня, так и быть, прошу.

Хуа Чжаошуй дрожащими руками принял чашку и на глазах у всех сел на колени к молодому господину, чтобы поить его вином.

В душе он скрежетал зубами:

«Моя невинность!»

Поток света на Диске Восьми Звезд медленно колыхался среди густых облаков Небес Четырёх Брахм, а очертания мирских усадеб и человеческих фигур в них словно туман собирались и рассеивались.

— Нин Чжи, что ты разглядываешь?

Внезапно раздавшийся мужской голос заставил Нин Чжи, Звездного Владыку, мирно потягивавшего вино, вздрогнуть. Он не удержал силу, и несколько белых павлиньих перьев слетели.

Нин Чжи разглядел пришедшего и тотчас уставился на виновника, ещё не оправившись от испуга, гневно воскликнул:

— Ты кого пугаешь-то?!

— Я издалека увидел, что Диск Восьми Звезд мигает без остановки, и подумал, что кто-то злоупотребляет властью и подглядывает. — Говорящий был молодым человеком, на правом запястье которого было обмотано шесть красных нитей, а на подоле одежды висели два колокольчика. Это был Фэн Цзинь, ведающий Звездой Красного Луаня.

<http://bllate.org/book/16756/1562742>